



Книги Владимира Стрельникова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЕЦ

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИЛИЯ РОМАШКИНА,
БОРТСТРЕЛКА И НЕКРОМАНТА**





ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВАСИЛИЯ РОМАШКИНА,
БОРТСТРЕЛКА И НЕКРОМАНТА



РОМАН

Москва, 2016
 **АРМАДА**
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С84

Серия основана в 1992 году
Выпуск 992

Художник
М. Поповский

Стрельников В. В.
С84 Приключения Василия Ромашкина, бортстрелка и некроманта: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2177-0

Блин, как прикольно проплывать над безмолвной землей на тяжелом корабле, отбрасывая огромную тень. Видеть закаты и рассветы с борта старого дирижабля, наблюдать с боевого поста звезды, смотреть на развалины старых городов поверх стволов тяжелых пулеметов.

Как здорово бродить по свету в компании таких же, как и я, удалых парней, которые готовы всякой нечисти рога отстрелить, а бандитам кое-что и покруче.

Как замечательно охмурять красивых девушек, дарить им свою любовь и принимать любовь девичью, слушая страстный шепот по ночам на сеновалах или в термальных источниках.

Здорово быть рослым крепким парнем, спасибо папе с мамой!

Ну а что до неприятностей и непонятностей... то тяжелые ножи (непростые ножи, ножи некроманта!), а также надежные пистолет и автомат помогут справиться с большинством из них. А с чем не справлюсь я — помогут друзья-товарищи. Единственное, в чем не стану просить помощи, — так это в делах личных. Сам разберусь, и пусть потрясные девчонки будут моей головной болью!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Стрельников В. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2177-0

ПРОЛОГ

Да твою поперек!!!

Назойливый, противный и, самое главное, громкий звон механического будильника заставил поднять тяжелую голову от подушки и открыть глаза. Все равно в голове резонанс, уж лучше встать.

— Вась, а Вась? Тебе рассолу принести? — раздался у дверей комнаты ехидный голос младшенького братца.

Вот мелкий, заранее выбрал самую удобную для отступления позицию.

— Женька, я тебя, обормота! Потом поймаю коварно, — пригрозил, садясь на кровати и прихлопывая наярывающегося и тикающего паразита под смешки паразита двуногого. — Ты почему стрелки перевел? Знаешь ведь, что выходной!

— Вась, ты погляди, какой день! Сам ведь потом жалеть будешь, что на рыбалку не сходил. — Женька, загоревший как головешка, белобрысый пацан двенадцати годков, показал на сияющее за окошком небо. — Вась, ну давай сходим?

— Сходить вы можете сами, тут до набережной полчаса ходу пешочком, вы на великах за пять минут махнете. — Я положил руку на макушку, чуть помассировал. Да нет, все нормально, просто спать охота. Ну еще бы, вчера немного погулял, вернулся домой часа в три ночи.

— Вась, ну какая рыбалка с набережной? Уклейка разве, карась или глупый судачишко. Давай на твоём «додже»,

а?— Женька вытащил из-за двери запотевший стеклянный кувшин с квасом и вместе с кружкой поставил на столик между нашими кроватями. — На излучину сгоняем, жерехов да чехоней нахлыстом возьмем. Сам же потом с пивом съешь.

— Хорошо, только на пару часов. Что возьмем, что не возьмем — как выйдет.

Усмехнувшись, я потрепал по выгоревшей макушке братишку, наливая себе холодного кваса. Крупными глотками выпил ядреный напиток и понял, что жизнь-то налаживается. Конечно, Женька преувеличивает, сейчас и с бережной вполне неплохая рыбалка. Но все-таки он прав, денек отличный, почему бы и не порыбачить с братишкой?

— Сейчас я душ приму, оденусь и выйду. Жди. — И, нацепив шлепки, налил себе еще кружечку. Квас замечательный, мама его просто здорово делает.

Радостный братишка убежал готовить свои и мои снасти, а я прошел в летнюю душевую и под прохладной пока еще водой простоял с десяток минут, вымывая из организма следы вчерашнего излишества. Не то чтобы гайцов с алкотестерами опасался, нет. Не настолько я набрался вчера, просто основательно посидел с друзьями и подружками. Вчера даже на машине вернулся, после того как Галку до дома довез.

Ну а что? Скоростей у нас сейчас больших не развивают, как в прошедшие времена, до Катастрофы. Да и полиция подвыпивших водил не ловит. Нет, не дай боже, сшибешь кого или еще что натворишь — ответишь по полной программе, но именно выпивших водил не ловят. Да и незачем, участковый всех знает. Что и от кого ждать, кто чем дышит. Причем участковый пользуется немалым уважением горожан, наших соседей. Так что, если пожалуется матери, огребу по самое не балуйся. Просто он меня знает, и знает, что не буйный.

Вообще, я достаточно редко так отрываюсь, служба не позволяет. То учеба, то рейс, то снова учеба. Не сказать, что у меня должность большая, но весьма ответственная. Я бортстрелок. И служу я...

На задний двор, отгороженный от огорода забором из нетесаного горбыля, набежала тень, как будто облако закрыло солнце. Подняв голову, я увидел проплывающую над нами серебристую сигару жесткого дирижабля. Здоровый «Локхид», наверное, из Старых Штатов идет.

Так вот, служу я... да вот на похожем красавце и служу.

*6 июня 2241 года, воскресенье
Ростов-на-Синей, Северный Союз*

Василий Ромашкин

Вытирая голову полотенцем, зашел в дом и застал интересную, хоть и привычную картину.

Мать, уперев руки в бока, строила Женьку, явно не сделавшего домашнее задание.

— Мам, ну ведь каникулы! Ну завтра повторю!

Братец смотрел на мать глазами, смахивающими на глаза соседского спаниеля, и явно пытался разжалобить. Впрочем, это бесполезно, в вопросе образования своих детей мама походит на дракона (не к встрече будь помянут, говорят, попадаютя иногда), и меня гоняла, и Женьку сейчас пилит. Причем делает это осмысленно, упорно и совершенно правильно.

— Ну ведь история, мам, — продолжал хныкать братец, вытаскивая учебник из стопки книг. — Ну завтра прочел бы.

— Если бы у бабушки... ну, дальше вы сами знаете, мальчики взрослые. — Мама немного смутилась и, скрывая смущение, скомандовала: — Читай! Пока не прочтешь, не отпущу! А ты, Вась, садись. Завтракать будешь?

— «Несмотря на широчайшие возможности, человечество, разделенное границами, экономическими и военными пропастями, не собиралось использовать свои технические достижения во благо себе. В начале двадцать первого века снова начался процесс нагнетания напряженности между Российской Федерацией и Соединенными Штатами, угрожающий перейти от холодной стадии конфликта к полномасштабным боевым действиям. Стороны были увлечены

взаимными санкциями, возобновившейся гонкой вооружений и расширением сфер влияния на планете. — Женька страдальчески вздохнул, посмотрел на меня и, не найдя сочувствия, продолжил чтение: — Наблюдения за астероидами практически не велось, ограничивались редкими зарегистрированными малыми планетами и фиксацией их орбит. Совершенно неудивительно, что в начале мая две тысячи семнадцатого года астероид немногим менее километра в диаметре неожиданно и неотвратно упал в районе Атлантического океана. Как раз на широте Нью-Йорка (примерно тридцатый меридиан западной долготы), в районе Азорских островов. Бывших Азорских островов. Удар был внезапным, астрономы засекали приближение астероида только за несколько часов до катастрофы...»

Женька стащил со стола один из блинчиков, которые начала печь мама, и макнул его в сметану.

— Полотенце возьми, заляпаешь жиром учебник.

В затылок братцу прилетело свернутое чистенькое полотенце. Мама к чистоте относится как к идолищу какому-то, весь дом сияет, и нас заставляет блюсти порядок. Ну меня-то уже нет, да я и дома бываю пару-тройку дней в неделю в лучшем случае. Это сейчас повышение квалификации, вот и ночью дома шестой день подряд. А когда наша очередь межконтинентальных перелетов подходит, то и пару месяцев меня может не быть.

— Угу, — Женька прожевал, вытер руки полотенцем и продолжил: — «От удара астероида образовалось цунами высотой около трехсот метров, которое смыло все восточное побережье США, западное побережье Европы и частично Африки. Потери оказались огромными, количество погибших превысило десятки миллионов. Но это — только первый удар стихии. Следующий удар был столь же внезапен и неотвратим. Чудовищные по силе землетрясения прошли по планете. Десятибалльные толчки смели с лица Земли города с миллионным населением и крохотные провинциальные городишки. Москва, Берлин, Париж — толь-

ко в европейских столицах погибли десятки миллионов. Прекрасные здания превратились в каменные обломки. — Братец, не отрываясь от учебника, отхлебнул чая и продолжил чтение: — Под обломками зданий, на улицах, в разрушенных метрополитенах и убежищах остались погибшие люди. Число погибших превысило миллиард. Причем подземные толчки продолжались долго и не утихали в течение нескольких лет. Но и это не все. Ожили дремлющие вулканы, проснулись считавшиеся давно и надежно уснувшими Эльбрус и Арарат, вулканы Перетолчина и Кропоткина, Маелифелл и многие, многие другие. В том числе ожили и супервулканы. Самый известный из них — Йеллоустоун и его младшие братья Лонг-Велли в Калифорнии и Вэллис в Нью-Мексико превратили Северную Америку в филиал ада на Земле, ожил супервулкан Айра в Японии. В атмосферу были выброшены миллионы тонн пепла и камней. Наступила вулканическая зима. — То, о чем читал Женька, известно в нашем мире всем. Каждый взрослый и каждый школьник знает историю Катастрофы. И все же каждый раз рассказ о ней потрясает душу. Вот и брат притих и перестал коситься на аппетитные блинчики. — В принципе ничего сильно непривычного для уцелевших европейцев и североамериканцев не было, про жителей Сибири, Дальнего Востока, Аляски и Канады и говорить нечего. Ну, зимой холоднее, морозы под пятьдесят, лето прохладное. На территориях Европы и Азии температура не поднималась выше пятнадцати-шестнадцати градусов. Но это позволяло собрать хоть какой-то урожай. В России, например, была установлена жесткая, можно сказать, жесточайшая диктатура. Уцелевший министр обороны сумел при помощи армии и МЧС установить порядок и обеспечить условия для выживания уцелевшим пятнадцати миллионам граждан России. Кроме того, в Россию эвакуировалось около семи миллионов жителей США и Канады. В Европе ситуация сложилась значительно хуже, число городских жителей там было намного больше, да и в сельских районах люди жили в доб-

ротных домах. Так что число погибших многократно превышало число выживших. На всю Европу уцелело максимум пятнадцать миллионов человек. В Китае выжило около тридцати миллионов. А вот население Африки, Латинской Америки, Индии и Юго-Восточной Азии — миллиарды бедняков, привыкших спать в хижинах из картона, хоть и меньше пострадали от подземных толчков, но легче им от этого не стало. Люди гибли от холода и голода, в результате голодных бунтов, многие были растерзаны каннибалами. Завершили дело эпидемии. Огромные территории обезлюдели, и по сей день там практически пустые земли».

Женька закрыл учебник, тяжело вздохнул и сцапал еще блинчик.

— Мам, все, я прочитал.

— Тогда завтракайте. И, Жень, сколько вас поедет?

Несмотря на то что Женькины друзья тоже возьмут с собой перекусить, мама точно соберет на целый взвод.

— Сенька, Марина, Хеленка и Джекоб.

Ну я в принципе так и предполагал. Соседские ребяташки, братишкины одногодки. Правда, Марина и Хелен учатся в гимназии, а пацаны в Третьей школе, обычной. Но девчонки — они и есть девчонки. У них всевозможные способности просыпаются на пару лет раньше, чем у мальчишек. Правда, в основном пиромания и менталистика.

Вот и мама щелчком пальцев зажгла газовую горелку на плите. Правда, это практически предел ее возможностей, как и у абсолютного большинства пироманок. Бывают, конечно, и посильнее, но очень редко.

Менталистки тоже частенько встречаются. Порой девчонки обладают способностями и к пиромании, и к менталистике. Впрочем, толку от менталистики немного, разве понять, что парень с другой погуливает, или потерявшийся носок в шкафу найти. Очень редко попадаются сильные менталистки.

А вот парни обычно обладают способностями к телекинезу, опять же очень редко хоть сколь-либо серьезными, и к некромантии.

Да-да, некромантия. Вообще, все эти способности начали проявляться после Рывка. То тут, то там происходили возгорания, иногда начинали парить над землей предметы. Если учесть, что люди в то время выживали, то тут такое началось... Чуть ли не институт инквизиции возродили. Точнее, его возродили, но хотя бы до костров на площадях не дошли. Просто повезло — несколько ученых выжили и оказались в нужное время в нужном месте, сумели разобраться, что происходит, и начали систематизировать и изучать новые способности человека. Каширов, Робинсон, Йенсен, Романова, еще с десятков физиков и психологов. Разобрались во всем достаточно быстро, никакой магией тут и не пахло, просто чудовищная катастрофа спровоцировала раскрытие новых возможностей человеческого организма. Или наоборот, ожили старые способности, ведь вроде как в старину тоже ведьмы и колдуны были.

Задумавшись, я зашел в нашу комнату и уселся за стол с компьютером. Ну да, два века назад была чудовищная катастрофа. Но люди сумели выжить и практически не растерять накопленные знания. Не сразу, но сумели восстановить технологии, и сейчас компом никого не удивить. Правда, такого, чтобы дни напролет сидеть за компами, не встретишь, от замороженных геймеров сейчас практически нет, живем сложно, но как учебные пособия, средства для связи и развлечений компы снова начали отвоевывать себе место. Хоть и очень недешевы они, заразы.

Проглядев сводку погоды и пробежав глазами строчки новостей, я выключил компьютер и начал собираться. Оделся в старенькие джинсы и такую же рубашку, на голову нацепил кепку от солнца. Пистолет хоть постоянно на поясе, но дополнительно взял свою любимую рычаговую винтовку производства Ковровского арсенала. Сейчас хоть и

лето, но зверья дикого множество. Предупреждений о вспышках бешенства среди плотоядных не проходило, но береженого Бог бережет. Видал я бешеных лис — зрелище жуткое. Страшнее разве пролетать над разрушенными городами прошлой эпохи. Такая аура смерти, что жуть. Ну да, я некромант. Абсолютно бесполезная в обычной жизни способность, всяких духов и прочих привидений в новых поселениях вывели давным-давно.

Впрочем, сейчас этими способностями практически каждый обладает хоть в минимальной степени. Кому-то удастся применять их на практике, например, бригады грузчиков с удовольствием берут умелых телекинетиков, для женщин умение разжечь очаг или газовую плитку без спичек — как дар божий.

Ну а остальные выживают, как могут. Я, например, после армии прошел отбор. Нехилый такой, серьезный, и сумел поступить на службу в авиацию. Сейчас налетываю необходимый минимум, без которого не получится учиться на пилота самолета или дирижабля. Хочу выучиться на офицера-воздухоплавателя. Нравятся мне неторопливые вроде бы небесные гиганты. Наш «Ростовчанин», например. Хоть и сделан корабль на стапелях «Локхид-Мартина» тридцать два года назад, так еще примерно столько же налетает при должном уходе. А уж дирижаблям уход обеспечен, благодаря им человечество снова стало преодолевать огромные расстояния.

После Катастрофы были разрушены аэропорты, автомобильные и железные дороги, мосты, тоннели. Порты смыло цунами и разрушило подземными толчками, корабли оказались или потоплены, или выброшены далеко на берег. Я сам, своими глазами видел неподалеку от старого Владивостока, как в четырех километрах от берега лежит на боку посреди тайги огромный ракетный крейсер. Атомный ракетный крейсер.

Если кто из людей и сумел воспользоваться теми немногими часами, которые у них были с момента обнаружения астероида до столкновения с ним, — так это атомщики. Везде, повсюду, по всей Земле успели заглушить реакторы. Атомные электростанции, реакторы крейсеров, авианосцев, подводных лодок — все было остановлено. Моряки, если не могли выйти в море, фактически превращались в смертников, но реакторы глушили. Повсюду, из каждого работающего реактора вынимали урановые стержни и топили на больших глубинах. Атомщики шли на верную смерть от лучевой болезни, но выполняли свой долг. Те, кто это делал, почти все погибли от лучевой болезни, но атомной катастрофы удалось избежать. И именно поэтому такой проблемы, как радиоактивное загрязнение, у выжившего человечества фактически не имелось. Были зоны повышенной радиации вокруг разрушенных атомных станций, но если учесть, что народу стало в десятки раз меньше, то это совсем не проблема. Удалось предотвратить глобальное радиационное заражение.

М-да. Я оглядел свой небольшой арсенал и прикрыл дверцу оружейного шкафа. Не так уж и много у меня оружия. В отцовом сейфе в родительской комнате намного больше и выбор богаче. Но то папино оружие, я все еще надеюсь, что он вернется. А у меня хоть и пусто, но самое необходимое я все же купил. Служебный наган сорок первого калибра, антикварный ПМ, вроде как неплохо сохранившийся, но стрелять из него я не рискую. Мой FN сорок пятого калибра на пластиковой рамке. Новодел, разумеется. Отличный пистоль, пятнадцать патронов в магазине, относительно легкий, мощный, надежный. Две винтовки, служебная образца тысяча девятьсот пятидесятого года, калибром шесть с половиной на пятьдесят миллиметров, и как раз эта магазинка-левер, сделанная по чертежам двухсотлетней давности, тоже под нашу «шестерку». Хороший винтовочный патрон, диаметр пули шесть с половиной

миллиметров, длина гильзы пятьдесят миллиметров. Как у тогдашнего царя хватило мозгов на такой гениальный ход, неизвестно. Но патрон вышел великолепный, не зря почти три столетия на вооружении. Как в царской России этот патрон к производству приняли, так с тех пор только под него винтовки и проектируются. Правда, потом приняли еще один патрон, восемь на шестьдесят, для ротных, авиационных и морских пулеметов.

Автомат, кстати, немчура изобрел, военнопленный. С тех пор практически ничего не меняли, а сейчас снова вернули дерево вместо пластмассы на приклад и цевье.

В винтовке-левере единственное изменение — отъемный магазин. Мудрствовать не стали, стандартный автоматный на двадцать патронов присобачили. Вышло достаточно неплохо.

Еще две курковки двенадцатого калибра, одна с короткими стволами, вторая с длинными. Вот и весь мой арсенал.

— Привет, мелкие! — поздоровался я с ребяташками, выходя из дома, забрасывая свой рюкзак и устанавливая винтовку в держатель «доджа». Хорошая машинка. Я хоть и десятилетку взял, но уже откапиталил, так что еще десяток годков точно спокойно пробегает.

— Привет, здравствуй, добрый день, Василий... — мальчишечьи и девчоночьи приветствия посыпались со всех сторон — вместе с молодняком, усаживающимся на откидные сиденья в небольшом кузове.

На сиденье рядом со мной успела плюхнуться Маринка, огненно-рыжая девчонка с темно-серыми глазами. Выскочивший из дома Женька закинул корзинку с собранной матерью снедью в кузов, перекинул туда же рюкзак со снаряжением, передал свою двухлинейку и запрыгнул сам. Мелкашку взял еще и Джекоб, тоже болтовую тулочку. Тоже три века с гаком этой модельке. Впрочем, сейчас мы по вы-

пускаемой технике выходим на уровень конца двадцатого — начала двадцать первого века. Только-только.

— Вась, аккуратней там и присмотри за молодежью. — Мама вышла на крыльцо и помахала нам вслед рукой.

Отъезжая, я видел в зеркале заднего вида фигуру мамы. Красивая молодая женщина сорока с небольшим годков. Когда семь лет назад отец не вернулся из рейса, нам было очень тяжело. Не в материальном плане, нет. Мама работала на патронной фабрике, я начал работать токарем в порту, пенсию за отца платила компания. Просто мы все очень любили папу.

Мама несколько лет по ночам плакала, да и сейчас порой тоже. До сих пор забыть не может, хотя к ней пару раз приходили вдовцы с предложениями.

Гуднув проходящим по гулкому тротуару знакомым девушкам, я свернул на дорогу, ведущую к выезду из нашего городка. Ростов-на-Синей был основан как лагерь переселенцев, беженцев из разрушенных городов. Сейчас нашему Ростову уже больше двухсот лет, населения в нем почти сто тысяч человек. Очень немаленький по нынешним временам город.

Вскоре дома и огороды остались позади, по основательно утрамбованной грунтовке мы пылили через холм к любимому месту рыбалки, срезая немалый крюк, который делала река.

В результате выехали на широкий песчаный пляж в том месте, где река делает излучину и где русло прилично сужается. На противоположной стороне высокий обрывистый берег, увенчанный высоченными соснами, суводи и водовороты. Это место здорово любят жереха, чехони, голавли. Да и хариус встречается частенько, это за городом он жить не любит.

Ребятишки быстренько распаковали снасти и вскоре уже всюду рисовали лесой фигурные петли, забрасывая му-

шек подальше от берега. На берег, в выкопанную в песке глубокую лужу, полетели первые выловленные рыбины.

Я поймал парочку крупных, сантиметров по семьдесят, чехоней и собрал удилище. После чего завалился дремать в машине, в тени старого дуба. Здесь, в зоне работы полицейских разъездов, особо опасаться нечего, просто зевать нельзя. А у нас, некромантов, есть неплохая особенность — мы убийц за версту чуем. В прямом смысле, где-то за километр. Не все, конечно, но у меня так получается, сталкивался уже с этим. Точнее, чуем мы живых людей, особенно тех, которые хотят нанести нам вред.

— Смотрите, волк! — Хеленка вытянула руку и показала на замершего на яру зверя. — Вась, стрельни его!

— Угу, сейчас. — Я вытащил бинокль и поглядел на здоровенного кобеля. — Это собака, Хелен. Парни, не стреляйте! — Это я мальчишкам с мелкашками, которые успели схватить винтовки и сейчас торопливо щелкали затворами.

Тем временем пес длинными прыжками сбегал с обрыва, обрушивая горы песка, и прыгнул в воду, направляясь к нам.

На всякий случай я взвел курок винтовки, внимательно осмотрел противоположный берег. Нет, ничего не вижу и никого не чую. Из людей и нежити, естественно, так-то зверья и птицы полно.

Выплыв на мелководье, пес выскочил на берег, отряхнулся, взметнув полыхнувшее радугой облако брызг, и неуверенно подошел к нам. Остановился метрах в пяти, лег, положив голову на передние лапы, пару раз осторожно махнул хвостом.

— Сюда, к ноге! — Я разглядел на ошейнике ярко-красную пластиковую гильзу от дробовика, примотанную красной же изолентой. — Лежать!

Здоровенный кобелина послушно улегся у моих ног и снова дважды махнул хвостом, показывая, что он смиренный.

— Что там? — Маринка прямо изнывала от любопытства, подпрыгивала и пыталась заглянуть в письмецо, которое я вытащил из гильзы. — Вась, ну прочитай.

— «Спасите! Сломала ногу, посылаю своего Альфреда за помощью! Алена Шушкина». — Я присел и погладил пса по загривку. — Молодец! Настоящий товарищ.

Псина вскочил как на пружинах, всем видом показывая, что готов вести нас к хозяйке.

— Пойдем спасать? — У Маринки заблестели глаза, девчонка едва не прыгала от азарта.

Хелен, ее подружка, тоже приплясывала от нетерпения, да и пацаны вместе с ними.

— Обязательно. — Я сел и аккуратно снял с пса ошейник. — Только отвезу вас в город, позвоню в МЧС и с дежурной сменой спасателей приеду сюда. Я так думаю, что Буфон след Альфреда возьмет спокойно. — У нашего городского отдела МЧС пяток служебных блаухаундов. Отличные собаки, если надо кого-либо найти по следу.

— Вася, ну ты... — Хелен даже притопнула от негодования. — Ты же некромант, я и Марина менталистки, неужели ты чего-то опасаясь? Да там, может, любовь всей твоей жизни погибает!!! — Вот что-что, а романтику никто не отменял, и множество любовных романов и сейчас гуляет в сети. Судя по всему, Хеленка ими зачитывается. Впрочем, самый возраст для девочек. — Мы обязаны оказать помощь!

— И окажем. — Я кивнул, вынимая из машины аптечку и двустольный «дерринджер» сорок первого калибра. Лежал пистолет в бардачке на всякий случай, еще от прошлого владельца остался. Вот и пригодился. — Хелен, Марина, вы пока ремешки снимайте. Вы девчонки фигуристые, с вас джинсы и без ремней не спадут. А свои пистолеты в карманы курточек положите. — У девочек на поясах тоже по «дерринджеру», только тридцать восьмого калибра. Не принято как-то у нас, чтобы девочки, девушки и женщины без-

оружными ходили. Парень может одним ножом обойтись, а вот женщины обязательно с огнестрелом.

Вспыхнув, девчонки торопливо повыдергивали из джинсов тонкие прочные кожаные ремешки и подали мне. Написав короткую записку, вложил ее в аптечку вместе с парой брикетов пеммикана и пистолетом. Прodeв в петли на аптечке, застегнул на мощной шее овчара ремешки девчонок.

— Беги к хозяйке, Альфред. Ищи!

6 июня 2241 года, воскресенье

Левый берег реки Синеи, выше Ростова-на-Синеи

Василий Ромашкин

Псине словно хорошего пинка дали, он вскочил одним длинным слитным прыжком, развернулся, махнул к реке. И вскоре исчез посреди сосен на яру.

— Быстрее собирайте рыбу, сегодня я вас сюда уже не привезу. — Сматывая свою удочку, сказал я суetyащимся ребяташкам. — Или выпустите, но так не оставляйте.

— Тоже скажешь, Вась, выпустите! — шуруя саком в луже, пропыхтел Женька. — Мы уху думаем наладить и жереха закоптить. Придешь?

— Вот не знаю, Жень, когда обернусь, — заводя машину, ответил я. — Где эта Шушкина будет, когда вернемся, — неизвестно. Усаживайтесь скорее.

На этот раз на сиденье рядом со мной уселась Хеленка. Хорошенькая мулаточка, что, впрочем, у нас в Ростове не редкость. После Рывка в наш тогда еще лагерь переселенцев подселили человек пятьсот американских солдат с семьями. И практически все — негры и мулаты. Так что кофейным цветом кожи здесь никого не удивить. Кстати, со старшей сестрой Хелен, Полли, я гулял одно время. Но как-то разбежались, сейчас Полли замуж вышла и живет в соседнем городке.

До города доехал гораздо быстрее, чем ехал на рыбалку. Выгрузил ребят у нашего дома, махнул матери и двинул в сторону отдела МЧС. В полицию от спасателей позвонят, делов-то.

*6 июня 2241 года, воскресенье
Ростов-на-Синей*

Анастасия Ромашкина

Старший сын исчез за поворотом, оставив меня в обществе младшего и его друзей. Куда это Вася направился, интересно?

— Жень, куда поехал твой старший братец? — поинтересовалась я, повернувшись к странно серьезным малолеткам. — И чего вы такие хмурые, как будто у вас торт отобрали?

— Так, Анастасия Александровна, Васька поехал спасать девушку, а нас с собой брать не захотел! — не выдержав, сказала Хеленка, обиженно надув губки и придерживая руками сползающие брючки. — Там...

— Там такой пес на том берегу... мы думали — волк... я за винтовку, а Вася командует: «Не стрелять!» Пес как прыгнет, брызги — во!!! И к нам...

Когда мальчишки и девчонки, обступив меня и перебивая друг друга, рассказывали о сегодняшнем большом приключении, нестройный хор детских голосов не успокоил, а, наоборот, здорово взволновал меня. В городе, оставшемся с прошлых времен, частенько копались черные археологи, но чтобы кто-то вот так всерьез попадал в неприятности — такого давно не было.

— Так, молодежь, тихо! Василий поступил абсолютно правильно! Спасение людей в старых городах (а эта девушка, скорее всего, в старом городе) является задачей сложной и серьезной, и потому вам там пока делать нечего. Пойдемте, чаем напою с пирожками, расскажете все

по порядку. А ты, Жень, корзину с рыбой пока на ледник опусти. И закрой хорошо, чтобы, как в прошлый раз, коты не растаскали.— Я повела галдящих подростков на крытую застекленную веранду — поить чаем и выяснять подробности происшествия, но тут в прихожей зазвонил телефон.

— Алло! — Сняла трубку.

— Мам, привет. Извини, что не остался рассказать, просто некогда было. В общем, какая-то дамочка умудрилась сломать ногу, скорее всего, в старом городе. Так что я со спасателями подскочу туда и вернусь. — Совершенно спокойно, как о чем-то обыденном, сказал сын.

Нет, я знаю, что он мне далеко не все рассказывает о своей службе, да и о перестрелках говорит только тогда, когда понимает, что я точно узнаю со стороны. Но мог хотя бы подумать, что мать волнуется?! Хотя... подумал и звонит.

— Осторожнее там, сынок. И... вы надолго? Как с продуктами? — Не стоит показывать, как у меня сердце сжалось от недобрых предчувствий. От этого Вася не передумает идти со спасателями, сама воспитывала. Так что нечего старшему сыну нервы трепать.

— Да нормально, мам. Сухпай спасатели берут, кроме того, твоя корзинка полнехонька, мы ее не тронули. Я думаю, день туда, день обратно. Завтра вечером или послезавтра утром, даст бог, появлюсь дома. Пока, мам, не волнуйся.

— Пока, сынуль. Будь осторожен и не лезь на рожон, — ответила и, дождавшись коротких гудков, села на стульчик около телефона. Пару раз глубоко вздохнула, гипервентилируя легкие, поглядела на пальцы, зажгла и потушила язычки пламени, после чего пошла на веранду, где всюю распорядились Женькины подружки, накрывая на стол. Девчонки серьезные менталистки, и потому я должна быть абсолютно спокойной. Нечего народ будоражить.

*6 июня 2241 года, воскресенье
Ростов-на-Синей*

Василий Ромашкин

На крыльце конторы спасателей сидели два парня в форме — один с гитарой, а второй с губной гармоникой, и вдохновенно наяривали то ли блюз, то ли блюграсс. Наверное, свободные от смены. Я всех в нашем микрорайоне не знаю.

— Привет, МЧС! — поднимаясь по ступенькам, поприветствовал их, на что оба кивнули, не прекращая музицировать.

За открытыми дверями справа за столом с десятком телефонов и парой компьютеров сидел дежурный по МЧС. Ну, этого-то я знаю.

— Леш, здорово. Прими срочное! — Я положил ему на стол гильзу с письмом.

— Здорово, Василий! — Одноклассник, крепкий и смуглый парень, пожал мою руку. Вытащил из гильзы письмо, прочел и, нахмурившись, поднял трубку одного из телефонов.— Второй группе — на выезд. Старшего группы — к дежурному! — после чего повернулся ко мне и вынул один из стандартных бланков...

Через десять минут мы, то есть я, трое спасателей и двое подъехавших парней из полиции, ехали в фургоне МЧС с лодкой на прицепе. На переднем кресле рядом с водителем важно сидел здоровенный кобель с длинными ушами и очень грустным взглядом.

— Как думаешь, далеко эта Шушкина? — взявшись одной рукой за поручень, а второй придерживая на коленях помповый дробовик с коротким стволом, в очередной раз спросил меня немолодой сержант из патрульной службы.

— Не знаю. Овчар у нее здоровенный, такой и полсотни километров пробежит, не запыхается. Но это на том берегу Синей, и, прямо скажем, мне это не нравится. — Я в очередной раз чуть не прикусил язык на очередном ухабе, проклиная про себя жесткую подвеску фургона. — Скорее всего, она из искателей, что еще делать на том берегу?

С той стороны Синеи находилось несколько старых городов. Несмотря на то что прошло больше двухсот лет с момента Катастрофы, в городах до сих пор оставалось множество вещей, и некоторые насквозь отмороженные особи мародерили в развалинах.

Приехав на излучину, мы все ввосьмером сняли тяжеленную шляпку «тузик» с прицепа.

— Слушай. МЧС, вы когда дюральку получите? — пыхтя от натуги, спросил сержант. — Надорвешься здесь с вашей бандурой, придется на пенсию по инвалидности уходить.

— Ты еще из пластика попроси, а лучше прямиком из золота! — Опустив лодку на прибрежный песок, старший из спасателей вытер рукавом форменной синей куртки лоб. — Вась, куда, говоришь, кобель рванул?

— Вот к тем соснам на яру, Мартын Сергеевич. Видишь, до сих пор взрыт берег там, где он поднимался. — Я ткнул пальцем в небольшие осыпи на крутом склоне противоположного берега.

— Ясно. Ты как, с нами? — И старший, усмехнувшись, поглядел на меня.

— Риторический вопрос? — так же усмехнулся я. — Сам же нас в школе учил — здоровый и свободный от обязанностей человек должен оказать помощь терпящему бедствие. Я на отдыхе, так что пройду с вами. Тем более, если придется в мертвый город идти, лишний некромант не помешает.

— Это да, — кивнул сержант. — Мартын да ты, Василий, да Сеня, он хоть и послабее, но тоже почуять неупокоя сможет. Как-то спокойнее ночевать будет.

— Думаешь, товарищ сержант, что придется ночевать около мертвого города? — Молоденький полицейский опасливо поглядел на север. Как раз в ту сторону, куда убежал овчар. — Поэтому картечь с серебром взяли?

— Урядник, тебя чему учили? Любой выход за город — два патрона с серебром под личную ответственность. Бережного Бог бережет. — Сержант шелкнул по каске урядни-

ка, вынул из магазина дробовика пяток обычных патронов и бережно вставил на их место патроны с серебром, после чего добил обычной картечью.

Все правильно, первые три остались обычные, а завершают патроны с пулями на неуюкоя. А то мало ли что, не простого же медведя серебром начинять. Да еще мелким, это, скорее, не картечь, а крупная дробь, примерно нолевка.

— Ладно, проверили оружие, снаряжение. — Старший первым выполнил свой приказ и уселся в шлюпочку. Вообще-то, хоть такие лодки и зовут у нас «тузиками», на самом деле это ял-четверка. Если по морской квалификации.

Вскоре мы уже стояли на яру, и блаухаунд задумчиво обнюхивал ошейник овчара. Потом пес вроде как неторопливо прошелся по обрыву, высоко задрал голову, и попер буром в кусты, сильно натягивая корду, таща за собой собаковод да еще и подвывая при этом.

— Верхом след взял, хорошо пойдеш! — Сержант торопливо направился за Мартыном, за ним урядник, следом я с винтовкой за плечами, небольшим рюкзаком за спиной и корзинкой с материнской снедьеш в руках. А что, на рыбалке съесть не успели, так здесь смолотим, я так думаю, что на первую ночевку встанем, не доходя до мертвого города. Светлого времени осталось с гилькин нос. Не стоит по ночам шататься по развалинам. В том, что дама, приславшая записку в ошейнике пса, в мертвом городе, я как-то и не сомневался.

В принципе так и случилось.

*6 июня 2241 года, воскресенье
Лесной массив на правобережье Синей, неподалеку
от развалин старого города*

Василий Ромашкин

— Шабаш, тут ночуем! — Старший оглядел небольшую полянку, на краю которой бил крохотный родничок. — До

мертвого города еще верст двадцать, так спокойнее. Но дежури́м обяза́тельно. Я как самый старший — первый, Сеня второй, ну а тебе, Вась...

— Собачья вахта! — грустно кивнул я.

— Ну. Ты бортстрелок, тебе не привыкать, — усмехнулся сержант, со вздохом облегчения снимая с себя штатный ранец. — Так что бди утром, тем более что сейчас ночи короткие.

— Точно, — кивнул старший, обрубая лапник с соседних елок. — Встанем затемно, позавтракаем и с первыми лучами тронемся. Даст бог, еще утром будем в городе.

— В Васильевске? — спросил молодой урядник и получил короткую затрещину от сержанта. — За что, товарищ сержант?

— Не поминай старые названия неподалеку от старых городов. Не любят они этого.

Вышелкнув из рукояти пистолета магазин, заменил его на другой, с серебряными пулями:

— Тогда я спать.

Ухватив охапку колючих еловых веток, бросил их неподалеку от разводимого костра и вскоре уже дрых. На ночную вахту надо заступать, хорошо выспавшись, тем более не очень далеко от старого города...

7 июня 2241 года, понедельник

Лесной массив на правом берегу Синеи, неподалеку от развалин старого города

Василий Ромашкин

Лунный свет заливал лес, отбрасывая на поляну тени от высоких деревьев. Костер был давным-давно потушен, ибо нет ничего проще, чем потерять ночное зрение, поглядев в пламя костра. Вокруг кострища на разные лады похрапывали мужики, завернувшиеся в пледы.

Я сидел на выворотне на окраине поляны, на опушке леса, винтовка была прислонена к правому колену. За голенищем высокого сапога в засапожных ножнах лежал простой на первый взгляд кинжал. Точнее, тяжелый нож.

Правда, сидел и дежурил я не один. Ко мне подошел зевающий, но отоспавшийся пес Рафаль. Прямо скажем, он напарник отменный.

От поляны шел густой медовый аромат. От леса пахло хвоей и смолой. Кричали ночные птицы, наяривали цикады и кобылки, порой светящимися облачками мелькали стайки светлячков. Только комариный зудеж в межветрие портил настроение.

— Какое «волчье солнышко»! А, друже? — Я погладил лобастую башку бладохунда, положившего голову мне на колени и пускающего слюни. — Слюнявый ты, однако, брателло. Ничего не чувствуешь? А вот я учуял, гости у нас, дружище.

Я встал, одновременно повесил винтовку на плечо, отряхнул штанины и потрепал вскочившего пса. Поглядел на сияющую луну, прислушался к ночи, потом внимательно «вслушался» в ночь. Что-то на грани, на предделе восприятия. Едва ощущается, еле-еле. Не открываясь, продолжил сканировать пассивно.

Ощущение здорово усилилось, разделилось.

— А вот и гостя на дымок пожаловала! — Я улыбнулся, перекинул винтовку на грудь и отщелкнул клапан кобуры. — Патрикеевна, доброй ночи. — И «ухватил» попытавшуюся метнуться лисицу. — Ну, куда ты! Покажи личико.

Лису перекорезило, плеснуло туманом. И вот на месте лисицы уже стояла молодая девушка.

— А где твои хвостики, кумушка? Их сколько, пять? — Улыбаясь, свел «ухваченные» хвосты к основной сущности. Из кустов одна за другой стали выходить девушки и сливаться с основой. Вскоре передо мной предстала статная красивая молодка с пятью хвостами, торчащими из-под юбки.

— Надо же, брюнетка. И хвосты серебряные. — Я внимательно поглядел на угрюмо стоящую девушку, залитую лунным светом. — То есть живых ты не заморочила? Не заморила?

Гулкий утробный рык Рафаля и метнувшаяся от дальних кустов рыжая молния могли бы напугать, но я ждал этого. Небольшой, огненно-рыжий в свете фонаря лисенок завис в воздухе, а потом был плавно перемещен мною к взрослой лисице.

— Эх, ни фига себе, Вась, ну у тебя и добыча! — Сонный, с обнаженным кинжалом в правой и со служебным наганом в левой, Мартын Сергеевич встал рядом со мной. — Надо же, сумел «прихватить», стрелять не стал и на нож не принял. Пятихвостка и лисенок. Вась, ты точно не хочешь работать в инквизиции?

— Там дисциплина слишком жесткая, Сергеич. — Настроение у меня резко испортилось, и для того были серьезные причины. — Сейчас ты не о том думаешь. Младшая — огневка! — И я потянул из ножен блеснувший в свете луны тяжелый нож некроманта.

— Нет!!! — Старшая лисица, к моему удивлению, сумела сделать пару шагов к нам и упала на колени, когда я «придавил» ее. — Не трогай дочь! Развей, развоплоти меня, я ее обратила, но не трогай доченьку!

— Дочь? — Сергеич удивленно поглядел на крутящуюся в воздухе и в ярости щелкающую совершенно не лисьими челюстями лисичку. — Это твоя дочь? Век живи — век учись.

— Что ты знаешь о жизни, человек? И что ты знаешь о смерти? — Стоящая на коленях женщина выпрямилась. На ее лице двумя дорожками блестели слезы. — Ты знаешь, как больно, когда ты уже умерла, а твоя дочь плачет и кричит, и зовет тебя? И ты не уходишь в свет, кружишь вокруг задыхающейся от боли девочки и ничего не можешь сделать? Я не поняла, как стала лисой, но сумела проскользнуть

сквозь обломки, вылизывала лицо дочки, носила ей воду в пасти. Дочь сама ушла со мной и стала лисенком. И не ее вина, что она убила охотника, который всадил в нее две порции дроби. В лисичку-сеголетка!

— Это кто? — громким шепотом спросил сержанта молодой урядник.

— Лиса Патрикеевна, кицунэ по-японски. Нежить. — Сержант тоже вылез из-под одеяла, держа дробовик в правой. Потер лицо свободной рукой и подошел к нам. — Огневка, говоришь? Кончать будешь?

— Нет! Убей меня, но не тронь Таню! — Старшая вскочила, частично перекинулась и оскалила зубы. Потом снова, застонав, упала на колени.

— Чего медлишь, Василий? — хмуро спросил Сергеич, придерживая за ошейник Рафаля. — Прими на клинок, не мучь.

— Рука не поднимается, Мартын Сергеевич. Может, ты?

Лисичка, обессилев, упала на землю и обернулась девочкой максимум семи годов от роду. И хоть я знал, что ей не меньше двухсот, все равно было тяжело.

— Нет, твоя добыча, — покачал головой старший. — Отпустить огневку мы не можем. Мы не судьи, Вась, выбора у нас нет. Хотя у лис выбор есть.

— Предстать перед инквизитором? — Я поглядел на лисиц. Младшая переползла к матери и, обняв ее, уткнулась ей в грудь. Лицо старшей уже ничего не выражало. — Патрикеевна, как твое имя?

— Полина, это мое истинное имя. Мы готовы предстать перед людским судом. — На вернувшем человеческие черты лице застыло спокойствие. — Готовь сосуд, человек.

— Хм... — Я смущенно поглядел на спасателя. — Мартын Сергеевич, не одолжишь флягу?

— Не одолжу. Продам, полусотня золотом. — Спасатель вытащил из подсумка небольшую флягу. Неброская, в простом суконном чехле. Верхний слой серебро, внутренний

медь. Причем фляга очень прочная, просто так не испортишь. — А то учишь вас, молодых, учишь.

— Но это тройная цена, — вяло попытался возразить я, внутренне уже согласившись.

— Ты где-то видишь лавку, торгующую артефактами? Не мука тебе, а впредь наука.

И я поймал брошенную емкость:

— Ну ладно, — откупорил довольно увесистый сосуд, поглядел на лисиц.

И те, расплывшись туманом, втекли во флягу. Мне осталось только плотно закрутить пробку и зафиксировать ее чекой.

— Ну, теперь у тебя есть свой собственный геморрой, — усмехнулся Сергеевич, подходя к кострищу и складывая сухие сучья в колодец. — Давайте, подъем. Раз уж встали, сварганим хороший завтрак. Все едино скоро светает.

— А почему не убили? Нежить же? — Урядник повесил на перекладину закопченный чайник. Молодец парнишка, сориентировался, воды принес.

— Кицунэ сложно назвать нежитью, Клим. — Я присел на свою лежанку, крутя в руках флягу. — Скорее нелюдь. Мы слишком мало знаем еще обо всем этом, слишком мало информации. Кицунэ опасны, могут убить, но обычно просто морочат-крутят. Стараются не проливать кровь, хотя при поглощении души живого резко становятся сильнее. Но это редкость, Клим. Обычно они поглощают бродячие души, всякие полтергейсты, привидения, прочие неупокои. Они разумны, у них устойчивое тело, что людское, что лисье, хотя как это получается — никто пока объяснить толком не может. Вообще, эти лисы стоят особняком. Да и встречаются редко, очень редко. Я и не думал, что около нас живет семья. Теперь понятно, почему с этой стороны старого города относительно спокойно, кицунэ не терпят конкурентов. Не зря у мамыши целых пять хвостов, на ее счету минимум полсотни неупокоев.

— Как понять — устойчивое тело? — Молодой урядник с опаской поглядел на мою флягу.

— Кстати! Сергеич, держи! — Я вытащил из кошелька пять золотых дукатов и передал ему. Один дукат равен нашему червонцу. Так что в расчете.

Сейчас народа мало, и бумажных денег почти нет. Серебро, золото, никель для мелочи. Иногда платина встречается. У меня в ячейке банка лежат несколько платиновых талеров. Точнее, целых десять, на пятьсот рублей. Плюс золотом и серебром еще на столько же. На свой дом коплю, надо свою крышу над головой заводить, вечно у матери жить не получится.

— Вот молодец, — кивнул спасатель, принимая деньги и пряча их в портмоне. — А насчет устойчивого тела — в лисьем обличье они себя как настоящие лисы ведут, охотятся, едят кроликов, зайцев, птицу дают. Да они и в людском обличье от людей почти не отличаются. С ними даже трахаются иногда, хотя от этого отдает некрофилией.

— Экзотичненько так, — усмехнулся я, пряча флягу в мардерку. После чего взялся за завтрак, а то без меня наготовят...

В котел бросил нарезанного копченого сала и лука, быстренько обжарил, залил водой, дождался, когда закипит, и всыпал гречневый концентрат. Через двадцать минут все ждали, когда остынет порция Рафалья, поставленная в родник.

— Сень, ты мешай мешай! — не выдержал Клим, пригнувшись к котлу. — Тут же слюной истечешь!

— Кто мешает, того бьют. Я перемешиваю! — важно воздел ложку вверх Семен. Ткнул пальцем в собачью порцию и вытащил ее из родничка. — Рафаль, кушай. На здоровье.

Псину не пришлось уговаривать дважды, хоть собаки и не очень любят гречку. Но тут такой мясной дух от каши шел, что на самом деле слюнки текли. Очень неплохие концентраты делают на нашей фабрике, точнее — отличные!

— Так, давайте чашки, орлы. Сначала орлы старшие. — Я плюхнул пару поварешек в миску Сергеича, передал ему ее и принял миску сержанта...

*7 июня 2241 года, понедельник
Окраина старого города*

Василий Ромашкин

— Так, теперь смотрим в оба, до старого города осталось чуть-чуть. — Старший поудобнее перехватил свой дробовик. Мы поднялись на насыпь древней дороги. На ней хоть и росли деревья и трава, но идти все равно было удобнее, чем внизу.

Никаких старых машин, дорожных указателей, вообще ничего железного здесь не имелось. Отсюда все, что могли, вывезли. Здесь это было сделать проще всего. Насколько я знаю, тут неподалеку вообще одно время стан был разбит, где разбирались на запчасти машины, складировалось уцелевшее имущество. Там сейчас пусто, да и расположен этот стан несколько в другом месте. А овчар Шушкиной бежал так, как ему больше нравилось.

— А где? — Клим явно нервничал, перебирая пальцами по своей винтовке. Тоже штатная, кстати. У нас что для армии, что для полиции делают одинаковое оружие.

— За холмом, километрах в пяти. — Я его прекрасно понял.

Город уже ощутимо давил. Мы, некроманты, выносим такие явления намного проще, потому что ясно, что и как. А вот народ простой плющит не по-детски, заставляет нервничать.

Ночами в городе простому человеку вообще лучше не оставаться, можно и сдвиг крыши заработать. Или какой-либо неупокоей захватит, майся потом с одержимым. Далеко не каждого можно вернуть обратно, даже если успеют аккуратно спеленать.

Рафаль уверенно тянул нас по старой дороге, так что вскоре мы встали на гребне холма. Снизу развалился, по-другому и не скажешь, заросший американским кленом и осинником старый город.

— Ох ты ж... — Клим сбил на затылок форменную фуражку и застыл в восхищении.

— Ну да, ну да, — задумчиво кивнул старший, неторопливо осматривая руины в бинокль.

Здесь когда-то жило чуть больше полумиллиона человек. Довольно крупный город даже по меркам тех времен. Он практически одномоментно был снесен десятибалльным толчком, после которого в городе не осталось ни одного целого здания. Причем толчок произошел поздней ночью, когда большинство жителей находились дома.

Все, старые купеческие бревенчатые особняки, переделанные в коммуналки, каменные постройки царских времен, двухэтажные бараки старых заводов, сталинские, хрущевские и брежневские многоэтажки, небоскребы постсоветских времен — все было развалено и разрушено. В живых остались единицы. Правда, таких единиц набралось около пятидесяти тысяч живых людей.

Большинство оказались ранены, почти все в чудовищном шоке, помощи ждать было особо неоткуда. Но все-таки люди сумели выжить, да и помощь пришла.

Армию тогдашний министр обороны в полном составе вывел своим приказом в полевые лагеря. Сберег людей, да и большую часть техники. И семьи воякам тоже рекомендовал вывести, что они и сделали в своем большинстве. Из тех пятнадцати миллионов выживших в России больше миллиона — военные и их семьи.

И сюда на помощь людям прибыл целый мотострелковый полк. При помощи вояк был организован штаб спасения, людей начали выводить из района разрушений, собирать имущество и уцелевшую технику.

Собирали имущество долго, минимум лет пятьдесят. Разбирали заводские корпуса, извлекали станки и инструменты, снимали рельсы, резали тяжелое оборудование на металлолом. Искали электронику, лекарства. Короче, все, что можно, тащили.

И хоронили тех, до кого могли добраться.

Тогда впервые и столкнулись с неупокоями, призраками и прочим. Хотя сейчас день, встретиться с ними маловероятно. Не очень любят они солнечный свет.

— Так, повышенное внимание и осторожность! — Старший оглянулся на нас. — Вась, Сеня, сканируйте, не скрываясь, мы не на «охоте». Остальные — глядеть в оба глаза и слушать. Проверить оружие, быть наготове. И друг друга не перестреляйте!

Какое-то время мы проверяли оружие — береженого и Бог бережет. А потом пошли за натянувшим поводок Рафалем.

Город начался внезапно — грудями оплывшего кирпича, поросшего деревьями и кустарником. Какие-то древние автомобили из тех, что не стали брать сборщики имущества, ржавыми блямбами стояли на бывших дорогах. Некоторые все еще поблескивали стеклами и зеркалами заднего вида.

— «Сбербанк»... — С трудом прочел когда-то зеленую надпись на уцелевшей стене Клим. — Надо же, какие окна огромные. И смотри, стекло уцелело! Интересно, почему его не вытащили?

— Скорее всего, не рискнули подходить к стене, — пожал я плечами, вскидывая винтовку и пытаясь взять на мушку собаководка, мелькнувшего в дальнем переулке. — Не успел, блин. Кто-то их основательно шуганул, причем недавно. Похоже, как раз наши спасаемые. Сень, вы скоро?

На лапы Рафалю обували специальные ботиночки из плотной кожи. Правильно, тут стекло и всякой ржавой дряни немерено. Еще располосует лапы псина.

— Все, пошли. — Рафаль снова натянул корду и уверенно взял след. Роскошный пес, прямо скажем.

ГЛОССАРИЙ

«**Додж**» — вездеход, производится в Северном Союзе на двух заводах.

«**СЕТМЕ модель В**» — армейская винтовка одного из миров за Мембраной.

«**Утес**» — крупнокалиберный пулемет.

«**Шательро**» — французский ручной пулемет.

«**Штайер Солотурн**» — австрийский автомат, пистолет-пулемет.

FN-FAL — автоматическая винтовка калибра 7,62 на 51 мм. Производится фирмой FN для европейских анклавов.

FR-8 — испанская магазинная винтовка калибра 7,62 на 51 мм.

АКМ — автомат Калашникова модернизированный, основной автомат СССР, одного из миров за Мембраной.

Ан-10 — пассажирский самолет. **Ан-2** — «Аннушка», одномоторный самолет, модернизированный.

Армейский автомат конструкции Людвиг Форгримлера — автомат образца 1950 года, основное оружие армии и полиции Северного Союза.

«**Брен**» — пулемет времен Второй мировой войны. Обычно выбрасывается на рынок военными после обнаружения и вскрытия очередной хронокапсулы на месте старых войсковых складов.

Винчестер — общее название многочисленных моделей винтовок с рычаговым и болтовым затворами.

«**Владимиров**» — КПВ, крупнокалиберный пулемет Владимира.

Грайвороны — неупокои, псевдоврановые. Обычно обитают в городах Прошлых. К людям относятся в общем нормально, но склонны к различным, часто жестоким шуткам. Враждуют с расквырами.

Дирижабль — управляемый летательный корабль легче воздуха. Чаще всего имеет внушительные размеры, несколько мощных двигателей, позволяющих развивать скорость свыше ста километров в час.

Дирижбомбель — прикольное название дирижабля.

«**Дерринджер**» **двуствольный** — пистолет с откидными стволами, очень популярен среди женщин из-за простоты, надежности, мощности и малого веса.

ДП-26, ДП-30 — ручной пулемет системы Дегтярева калибра 6,5 на 50 мм.

Зброевка-Брно — чешский ручной пулемет.

Зомби — неупокои, которые кратковременно управляют только что погибшим телом.

Иномиряне, иномирцы — люди из иных миров, попавшие к нам в результате прорыва Мембраны.

Катастрофа — падение астероида на Землю и последовавшие за этим цунами, извержения вулканов и длительные мощные землетрясения.

Кицунэ — Лиса Патрикеевна. Нелюдь. Лисы-оборотни, хитрые, любопытные, очень опасные создания. Но для людей в большинстве своем малоопасны. Мощь Лисы Патрикеевны можно узнать по количеству хвостов. Чем больше хвостов, тем сильнее оборотень. Оборотень, убивший живого человека, обретает ярко-рыжий окрас и называется «огневка». Таких оборотней люди обязаны или уничтожать, или судить.

Ла-9, «Лавочкин» — поршневого истребитель-штурмовик, основной самолет ВВС Северного Союза.

«**Левер**» — винтовка с рычаговым затвором.

Ледяное цунами — огромные ледяные массы, выбрасываемые на сушу северными морями.

«**Марголин**» — малокалиберный пистолет.

Мембрана — общее название границы между мирами.

Менталистки — женщины, обладающие способностью к мыслечтению,мыслеобщению (телепатии). У мужчин такие способности не встречаются.

МиГ-15 — реактивный истребитель ВВС Северного Союза. Не состоит на вооружении, но пилоты запаса обучаются летать на учебных истребителях-спарках, а на авиазаводах на всякий случай готово оборудование для массового производства машин.

«**Мосинка**» — магазинная винтовка Мосина.

Некроманты, ведьмаки — люди, способные видеть неупокоев и влиять на них. В абсолютном большинстве это мужчины. Подозревают, что единичные женщины, способные к некромантии, — бывшие мужчины, подвергшиеся операции по смене пола.

Неупокои — общее название всевозможных видов нежити, нелюди, призраков и прочих явлений, связанных с послесмертием, которые появились после Катастрофы.

Одержимые — люди, чье тело захвачено и управляется неупокоями.

Пестуны — менталистки, прекрасные детские воспитательницы.

Пироманки — женщины, способные управлять огнем.

ПМ — пистолет Макарова.

Пожиратели душ — крайне опасные неупокои. Обычно обитают в определенных зданиях, благодаря чему встреча с ними для обывателей маловероятна. Но для искателей в старых городах смертельно опасны. При обнаружении инквизицией подлежат ликвидации.

ППД — пистолет-пулемет Дегтярева.

ППС — пистолет-пулемет Судаева.

Прорыв Мембраны — перемещение между мирами.

Пустынный (песчаный) дэв — нелюдь. Гуманоид, рост около двух с половиной метров. Стремителен, очень силен, крайне опасен. Необычайно агрессивен. Подлежит уничтожению.

Ракетоносцы противоастероидной обороны — тяжелые дирижабли, вооруженные ракетами с ядерной боеголовкой. Ракеты способны поражать астероиды, выходящие на опасную для Земли орбиту.

Расквыры — неупокой, псевдоврановые. Обитают в городах Прошлых. Отличаются мерзким характером, крайней ненавистью к людям. Днем обычно малоопасны, но ночью активизируются и выходят на охоту. Обязательно нападают на людей вне надежных ночевок.

«**Ремингтон**» — охотничья винтовка.

СВТ, СВТ-40 — самозарядная винтовка Токарева, автоматический карабин АКТ-40. «Токаревки», «Светки» — различные названия винтовки Токарева.

СГМБ — станковый Горюнова модернизированный бронетранспортерный пулемет.

Северный Союз — государственное образование на месте Российской Федерации, республик Средней Азии, Финляндии, Швеции и Норвегии.

Симонова винтовка — АВС-38. Автоматическая винтовка калибра 6,5 на 50 мм. Производилась массово до Великой войны. До сих пор часто встречается среди гражданских стрелков.

СКС — самозарядный карабин Симонова калибра 6,5 на 50 мм.

Средняя Пустошь — образовавшаяся в бывшем Среднем Поволжье крайне опасная аномальная местность.

Старые Штаты — земли на территории бывших Соединенных Штатов Америки.

Старый город, город древних, прошлый город — общие названия руин больших городов, существовавших до Катастрофы. Часто бывшие мегаполисы образуют целые пустоши, например, на восточных и западных побережьях Старых

Штатов. Чрезвычайно опасные места из-за высокой концентрации всевозможных неупокоев. Но из-за сокровищ прошлой цивилизации до сих пор привлекательны для поисковиков.

Т-55 — основной танк. На вооружении Северного Союза остались танки, производившиеся до Катастрофы.

Телекинетики — люди, обладающие способностями к телекинезу. В большинстве своем мужчины, но встречаются и женщины.

«Томми-ган» — американский пистолет-пулемет Томпсона.

ТТ — Тульский Токарева пистолет, тэтэшник. ТТ производятся на многих заводах и арсеналах в различных калибрах.

Фроги — водные неупокои.

«Хеклер и Кох» — пистолеты и пистолеты-пулеметы сорок пятого калибра, состоят на вооружении полиции, обычно частей ОМОНа.

Хронокапсула — появившаяся в результате Катастрофы аномалия, зона, в которой время течет медленнее, чем в остальном мире. Очень часто проявляется в городах Прощлых.

Электры — женщины, способные управлять электричеством.

Як-130 — реактивный истребитель-бомбардировщик, основной истребитель Северного Союза.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИЛИЯ РОМАШКИНА, БОРТСТРЕЛКА И НЕКРОМАНТА. Фантастический роман	5
<i>Глоссарий</i>	308